

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Б

И

Б

Л

И

О

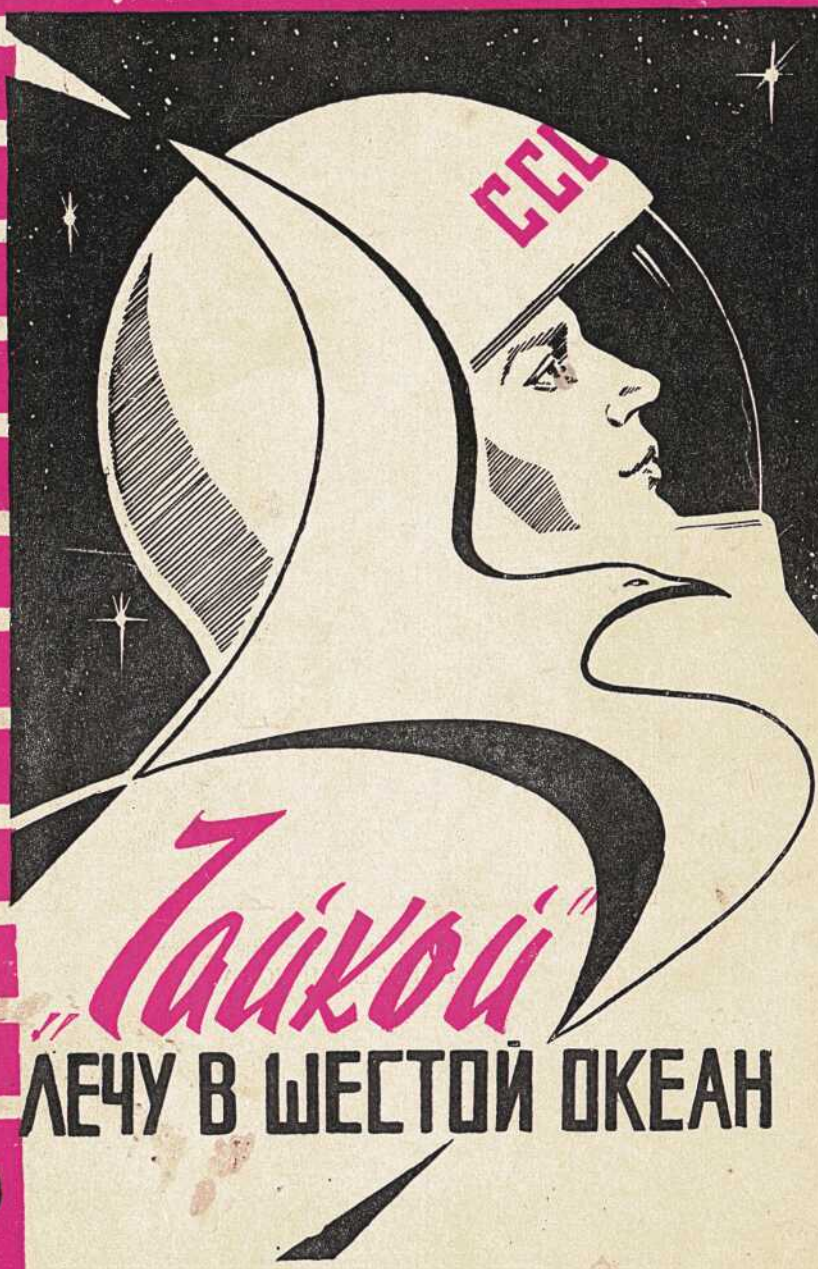
Т

Е

Ч

К

А

Гаичкой

ЛЕЧУ В ШЕСТОЙ ОКЕАН

№ 15 (123)

Герой **Советского** Союза летчик-космонавт СССР
В. В. ТЕРЕШКОВА.

Валентина **ТЕРЕШКОВА**,
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

**«Ч А Й К О Й» Л Е Ч У
В ШЕСТОЙ ОКЕАН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

МОСКВА, 1963.

Литературная запись специального
корреспондента «Красной звезды»
капитана 3 ранга Н. Котыша

СЧАСТЬЕ. В ЧЕМ ОНО?

Помню, когда училась в ярославской школе, соберемся мы, девчонки и мальчишки, на берегу Которосля и дебатыруем до хрипоты: что такое счастье? Одни говорили, что оно, это счастье, существует как бы абстрактно. Живет в чувствах. Доволен собой, своей жизнью — считай, счастье при тебе. Не доволен — значит, и близко оно не ночевало. Я недоумевала: а как же тогда с теми, кто вечно не доволен достигнутым? Добился одного и уже думает о другом. А там новая цель. Надо идти дальше. Мечта все ведет и ведет. Неужели этот человек несчастнее того, кто застыл на месте, пресытился жизнью?

Другие считали счастливыми тех, кто наделен чем-то особенным, исключительным.

Полную ясность внесла преподаватель истории Людмила Алексеевна Космолева. Счастье, сказала она, измеряется тем, насколько ты нужен людям.

- И в одиночку оно не живет. Оно только там, где люди подпирают друг друга, где решается самое большое, важное, нужное не одному, а всем. И не обязательно быть артистом или ученым. Делайте с душой самое простое, самое рядовое дело, и оно принесет вам радость.

Эти ясные, как утренняя роса, слова вызвали у нас бурю чувств. И мысли, мысли... Одна обгоняет другую. Хотелось, не задумываясь, броситься на любое что ни на есть трудное дело, попытаться истинного счастья в первой попавшейся работе. Думалось, все подряд освоишь, осилишь. Берись за любое...

— А вот этого и не надо делать, — поправила меня учительница, когда я ей высказала свои думки. — Нужно избрать такое, что по душе и где бы ты полнее раскрыла свои способности, а стало быть, больше пользы принесла.

Тот, кто мечется от одного к другому, очень большой крюк дает при достижении цели. Иди прямее. **Что тебе нравится?**

Ответить на такой вопрос я тогда не могла. Уже **позже** определилась в жизни. Но мудрому педагогу я благодарна по сей день. Это она помогла мне осмыслить главное назначение человека: трудиться для людей, **служить** им всем своим существом. И это для меня стало великим счастьем.

Уже после свершенного полета мне не раз **говорили**

— Какое тебе, Валя, счастье **привалило!**

Возражать против **этого** трудно. Действительно, это же великое счастье, что мне первой из половины рода **человеческого** довелось оторваться от земной колыбели и побывать в гостях у звезд. Очень хорошо понимаю, что на такое способна не я одна. Много и много подобных мне сумели бы выполнить свой гражданский и **партийный** долг не хуже меня. Взять хотя бы моего **дублера**. Это же смелый, очень смелый **человек, обладающий всем**, что **нужно** в космической дороге. Верю, что она пойдет еще дальше меня.

И все же, осмысливая происшедшее, думаю: нет, **мое** счастье не только в полете. В гораздо **большем—в** самой жизни. Вспоминая недавно пережитое: первые дни в отряде космонавтов, встречи с нашими друзьями — **Главным** конструктором, Теоретиком космонавтики, инженерами, врачами, с нашим добрым **наставником** — Николаем Петровичем Каманиным, старт, **орбиту, разговор от-**туда с Никитой Сергеевичем, звездные песни, которые мы пели с Валерием, возвращение на Землю, встречи на Красной площади, в Кремле и в отряде космонавтов. Вглядываюсь в свое не так уж далекое **прошлое** — учебу в школе, работу на **шинном** заводе, на комбинате **«Красный Перекоп»**, и передо мной так ясно, так отчетливо встает то, о чем говорила моя старая учительница: счастье мое не одинокое, не сугубо личное, а большое, шумное, широкое, как река. Оно принадлежит всем, всем моим соотечественникам.

О ВОЛГА, КОЛЫБЕЛЬ МОЯ!

— Нашу семью издавна судьба не **баловала**, — часто говорила мне **мама**. Сама она испытала большую нужду еще с детства. Было их восьмеро у родителей. Выжили

трое. **Трое** умерли е голоду. Дядя Ваня погиб в **гражданскую**. Дядю Евсея, **коммуниста**, убили кулаки из обреза, когда он **шел** домой вечером со сходки.

Отца я **не** помню. Была совсем **маленькая**, когда он погиб на фронте.

Жили мы тогда в тридцати пяти километрах от **Ярослава**, в селе **Масленниково**. Трое нас, **малышей**, осталось на руках у мамы. Чуть старше меня была Люда. А Володя еще меньше меня. Трудно было. Вы, **наверное**, видели картину художника В. Перова **«Тройка»**. Зима. Вьюга. Трое малышей везут на санках бочку с водой. В лицо бьет колючий **ветер**, валит с ног. А они бредут, тащат свою непосильную ношу.

Вот и я закрою глаза и, кажется, наяву вижу **нашу** маленькую **«тройку»**. Было **это** в Отечественную войну. Мама работала в поле, мы ей носили обеды. Только **не** метель нас с ног валит, а жара. Идем, а кругом без конца-края рожь. Солнце палит. Духота. Ни ветерка. А **бре-**сти еще далеко, аж до самых дальних загонов.

Лотом мама пошла на ферму. Чем мы могли ей **по-**мочь? Приходили иногда и на хрупких **плечиках подноси-**ли корм скотине. С питанием плохо. Одна картошка. Правда, колхоз иногда выписывал **литр—два** молока. Да **и** соседи не забывали. Кое-чем помогали до хозяйству. То дом **подремонтируют**, то огород помогут **вспахать**. Люда пошла в школу. За ней, как за своей, следили и учительница, и дядя Петя Мордашов, в тракторной бригаде которого работал **когда-то** папа.

После войны переехали мы в Ярославль. Жить **при-**шлось двум семьям в одной комнатухе. Мама сразу пошла на работу. Вначале на хлебозавод **формовщицей**, потом **немного** побывла на мельнице. Но дорога туда не близкая, и люди посоветовали перейти на текстильный комбинат «Красный Перекоп».

Тут началась мамина рабочая биография. Работа была что ни на есть **рядовая** — развозить пряжу к ткацким станкам. Но мама ею гордилась. Уж очень ей по **душе** пришлись здешние люди. Труд с ними в радость. Они помогали маме и по работе, и в воспитании нас, школьников. Помню, зайдет **какая-нибудь** тетя с комбината к нам домой и требует:

— А **ну**, покажи, **милая**, как ты занимаешься? Какие оценки? **Что** не **удается?**

Ну, раскрываешь свои **тетради, объясняешься**. И долго потом просидишь с незнакомым человеком за **диктантами** и задачками.

Приспело время, и все **мы, «тройка»**, потянулись тоже на «Красный **Перекоп**». Люда пошла в ткачихи, я — в ленточницы: наматывала машиной ленты на валики и **отправляла их в** другой цех. Попозже и Володя пошел **шофером** на комбинатскую автобазу.

Прибавилось много у нас **друзей**. Всех не перечесать. Но **особенно близко** мы сошлись с **Валентиной** Федоровной Усовой, секретарем парткома комбината. Душевная женщина. Она была мне и другом, и матерью, и **учителем**. Ей первой высказала думку о вступлении в **партию**, а позже — о поступлении в отряд **космонавтов**.

Тут, на комбинате, **познакомилась** я с его **историей**, полнее узнала прошлое **родного** города. Василий **Александрович Подшивайлов**, или, как мы попросту называли **его**, дядя Вася, инженер, член партии с 1927 года, проработавший на **этом** комбинате почти сорок пять лет, часто рассказывал нам, молодежи, и о предприятии, и о **Ярославле**. Мы жили на улице Стачек. Спрашиваем дядю **Васю**, почему она так называется. Он знал все доподлинно. Хотите, говорит, проведу вас по нашей улице и **познакомлю** с ее историей.

— Вот когда-то здесь стояли Купеческие и иные **дома** богатеев. В сторонке там лепились наши лачужки. А пивных тут было понатыкано столько, что нынче киосков. Это для того, чтобы из рабочего сразу тут же, у **фабричного** двора, копейку вышибать, да и ум затуманить. **Горький** эту картину очень верно описал. Но не всех кружка пива тянула сюда. В этих прокуренных насквозь пристанищах собирались рабочие на свои негласные сходки. Поставят кружку пива для отвода глаз, а сами о своих горемычных судьбах гуторят. Договаривались о совместных выступлениях против кабальных условий работы. И вот тут-то наша улица становилась **баррикадой**. Много раз она видела и кровопролитные схватки, и демонстрации, и маевки, и забастовки. Отсюда взяла свое **название** — Стачек.

Любила я ходить по родному городу. Хорош он в любое время года, **но, самый** красивый, **по-моему**, весной. Красоту ему придает Волга. Как закипит она своим **поводьям** — **кажется**, весь Ярославль поет. В затонах по

пояс в воде стоят липы, акации, **осины**, тополя и наши милые русские **березы**, вымытые вешними водами добела.

А **потом идешь** по городу и будто его биографию **читаешь**. Вот театр имени Волкова. Это первый **национальный русский театр**, основанный нашим талантливым **земляком** Федором Григорьевичем Волковым. В нашем городе творил умнейший учитель учителей Константин Дмитриевич Ушинский. На Волге родилась «Дубинушка», ей вторили некрасовские **«Коробейники»**.

Некрасова я полюбила со школьных лет. Первые **же строки**, услышанные из уст учительницы, **«Видь на Волгу...»**, навсегда прикипели к сердцу. Купила я в букинистическом **магазине** старый некрасовский томик и по сей день с ним не расстаюсь. Николай Алексеевич стал **моим любимым поэтом, видимо, потому**, что **он**, пожалуй, как никто другой, умел заглянуть в женскую душу. Я **наизусть** помню и «Орину, мать солдатскую», и **«Тройку»**, где россиянка «жадно глядит на дорогу», торопится «за промчавшейся тройкой **во след»**, и «В полном **разгаре** страду деревенскую», и «Есть женщины в русских селеньях...» Мне нравится, что русскую женщину поэт так ярко показал не только в печали и горе, **а и в красоте неповторенной**. Разве не захочешь быть **такой**, которую «конный не **словит»**, которая в беде не сробеет, «в горящую избу **войдет»?!**

КАРАЧИХА

Это Ярославский **аэроклубовский** аэродром. Он недалеко от нашего дома. Хорошо виден из окна маминой комнаты. Карачиха стала моей второй судьбой.

Первая была там, на «Красном Перекопе», где я **работала**. **Отсюда** пошла учиться на заочное отделение техникума легкой промышленности. Здесь меня избрали секретарем **комитета** комсомола. И трудно было, и **радостно**. Надо было как следует заниматься в техникуме. А на комбинате — своя работа. Около 2.000 комсомольцев — тут в полсилы не потянешь. Но и на себя все взвалить рискованно. Как всегда, на помощь пришла Валентина Федоровна Усова.

— Ты, милая, позаботься прежде всего о хорошем **активе**. Люди всегда тебе **помогут**, — сказала она.

Актив у нас образовался крепкий. В основном, конечно, это девушки. Но **какие** большие дела они творили! По

всем цехам у нас шагал свой комбинатовский «Крокодил». От него доставалось тем, кто был не в ладу с нашей моралью и трудовыми порядками. Создали «Клуб девушек». Опять-таки для наведения порядка в цехах. Появились у нас цветы, чище стали окна, веселее пошла работа.

Своим чередом шла учеба. Четыре вечера отдай ей и еще домашние часы прихвати. И все же занималась я легко. Видимо, потому, что учеба имела прямое отношение к моей комбинатовской работе. Успевала не только свои задания готовить, но и помогать товарищам. А моими «однокашниками» были не только сверстники, но и люди, которые годились мне чуть ли не в отцы. Приходи* ли прямо домой, попросту подсовывали свои тетрадки

— Посмотри, дочка, все ли тут на месте?

Потом взялись за самодеятельность. Признаться, по сей день не уважаю тех, кто до самозабвения увлекается одними танцами. А вот раздумчивая песня, пляска, наш плавный русский хоровод — разве может быть что-нибудь прекраснее? У нас в семье песня давно стала нашей спутницей жизни. Несмотря на то, что маме столько довелось хлебнуть горькой доли, она почти никогда не расстается с песней. Очень любит «Липу вековую»... Люда лирическими современными увлекается. Володя, тот на баяне играет все подряд, лишь бы подпевали. Ну, а я сама не могу без наших народных напевов, без задумчивых сегодняшних. Люблю Мокроусова, Соловьева-Седого, Захарова. Ну, а больше всего нашего Чайковского.

На комбинате мы создали свой оркестр. Я в нем на домре играла. Втянула многих девушек и ребят. Пришел и Володя со своим баяном.

От песни пошли дальше — к небу. Уж точно не помню, кто бросил фразу: «Давайте создадим парашютную секцию». Охотников сразу нашлось много.

Приняли нас в аэроклуб без слова. Начались занятия. Пожалуй, лучше всех дела шли у моей веселой подружки Тани Морозычевой — жены нашего инструктора. Прегала она смело и точно.

Карачиха стала нашим вторым домом. Туда мы спешили с утра, если работали во вторую смену. Занимались теорией, отработывали все новые, более сложные приемы прыжков. Прыгали на воду, в поле, затыжными, группами, в одиночку. Наверное, всех нас потихоньку поругива-

ли родители: мол, отбила детей Карачиха. А мы в **неб** были влюблены. Спешили **туда**, как на свидание. **Кто-то** из наших местных **поэтов** даже песенку **сочинил**

Карачиха моя, Карачиха,
Беспокойная в небо **дорога**,
К незнакомой звезде моей тихой
С твоего я шагаю **порога**

В нашем аэроклубе работал полковник **запаса** Павел Михайлович **Теперский**. Этот уже немолодой, но по-юношески влюбленный в свою крылатую профессию человек был для меня **таким**, как комиссар для Алексея **Маресьева**. Я с ним мало говорила. Но внимательно **приглядыва**лась к его поступкам, привычкам, настроению. И **удивля**лась, откуда у него столько энергии, столько жажды **к небу**, к высоте, к бурному житейскому половодью. Я **знала**: он на пенсии, не мог похвалиться особым **здоровьем**, а вот от нас, молодых, не хотел ни на шаг отставать. Да куда там **отставать!** Чаше всего нам самим тон задавал.

Вот таким людям с чистой **совестью**, коммунистам стремилась подражать, училась **у** них жить.

Узнав о том, что я отбываю на учебу, товарищи по **ра**боте преподнесли мне грамоту и золотые часы. Но самым **дорогим** подарком были **напутственные слова** старого **коммуниста** дяди Васи:

— Как в партийца верим в **тебя, дочка!**

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С МОСКВОЙ

Первый раз я в Москву попала, когда **езди**ла с подружкой в Казань. Первым долгом пошла на **Кра**сную площадь. Как раз шли дожди. Полдня простояла в очереди, промокла до нитки, а **все** же в Мавзолее побыва^ла. Жаль, что поток людей не дает подолгу **задерживать**ся у Ильича. Но я и так на всю жизнь **запомнила** его дорогие черты. Вышла взволнованная, **с** морем **чувств** и **раздумий**.

Так я тогда **встретилась** с Ильичем. А вот теперь **пе**ред новым отъездом в Москву из Ярославля я как бы прощалась с ним, моим **неизменным** советчиком и настав^{*}ником жизни. Возле нашего дома на улице Стачек стоит памятник Владимиру Ильичу, Под самыми окнами. В **ок**

ружении развесистых вязы и тополей Провожала **меня**. Мама. Долго мы стояли с чемоданчиком у **этого** святого на нашей улице места. Тут вообще люди любят **задерживаться**. А я как бы перед трудной, дальней дорогой **пришла** сюда с самым близким человеком посоветоваться.

Москва встретила ярким **солнцем**, синим небом и шумом улиц. После тихого Ярославля мне показалось, что попала в бурный поток. Но через несколько дней **привыкла** и уже сама стремилась скоротать время на переездах, читала в метро книги и спешила в **назначенный** час попасть в ждавшие меня аудитории.

Написала письмо Тане Морозычевой. Она тоже **мечтала** о космонавтике. Но «не прошла по не зависящим от нее причинам». С болью в сердце мы **с ней расстались**. Мне жаль было ее, как провалившуюся на экзаменах **сестренку**. Но она все же **крепилась**, виду не подавала. На **прощанье** мне сказала:

— Держись хоть ты. Не может **быть**, чтобы ярославские не выдержали **нагрузок**.

И я выдержала. Правда, не так **легко**, но все шло как нельзя лучше. Меня и на центрифуге крутили, и в барокамере испытывали, и на «качелях» **качали**, и в «парилке» (термокамере) сидела. Пришлось и **бегать**, и гимнастику демонстрировать. А главное **же** — **щепетильно** проверяли сердце. Оно меня не подвело.

Когда кончились все испытания и проверки, когда комиссия сказала свое последнее твердое «да», я не поверила своему счастью: неужели я буду **космонавтом**?

После стольких переживаний выдался такой **чудесный** теплый вечер, что допоздна не хотелось **идти спать**. Выдержала **экзамены** и мой будущий дублер — очаровательная, скромная женщина, которая тоже онемела от счастья. Мы с ней допоздна **бродили** московскими улицами. Надолго задержались у памятника **Пушкину**. Мы уже знали, **что сюда** на свидание с любимым **поэтом** приходили перед полетами Юрий Гагарин и Герман Титов, **Правда**, до полетов было еще далеко, но **традицию** решили соблюдать с первого шага.

Потом встретилась с самими героями космоса, с врачами и инженерами отряда космонавтов, со своими будущими преподавателями и **командирами**.

В отряде космонавтов меня встретили так, словно я уже была с ними **знакома. Тепло, просто, по-свойски.** Политработник **сразу** в оборот:

— Даем вам партийное поручение — помогать нашей комсомолки.

Буквально через два-три дня перезнакомилась со всеми своими коллегами. Юрий Гагарин, Герман **Титов**, Андриян Николаев, Павел Попович и **мой** будущий **космический спутник** — **Валерий** Быковский стали для **меня самыми** близкими людьми. Они рассказывали мне о **своей** учебе, тренировках, о полетах, о том, чем надо **запастись**, прежде чем отправиться в **звездный** рейс.

Помню, Николаев мне сказал:

— Валя, учти одно из **главных** — вестибулярную **тренировку**. Занимайся побольше этим делом.

До этого у меня был один **брат—Володя**, оставшийся **там**, в Ярославле, с мамой. А **прибыла** в Звездный **городок**; поняла: близких людей у меня прибавилось. Их по праву я могла назвать братьями. Относились они ко **мне**, как **к** сестренке. Вначале **заботливо-покровительственно—на** правах **старших**. Потом с некоторой **неудовлетворенностью** моими робкими шагами на незнакомой стезе. А **затем**, как равные с **равной**, — спорили, делились своими удачами и печальями, планами и житейскими **заботами**. Словом, приняли в космическую семью без тени **холодка** и недоверия, чего я больше всего боялась.

Своим чередом шли тренировки, занятия. Вместе со всеми я слушала лекции и изучала незнакомую для меня технику. Занималась физической подготовкой и **специальными** тренажами. Конечно, для нас с **дублером** кое-что было «подправлено» с учетом наших возможностей. Но коррективы **незначительны!**

Началось все с общей физической **закалки**. Я **благодарна** всем моим учителям, в том числе преподавателю **физподготовки**, который сразу предупредил меня:

— Начиная с **бега**. Тут и сердце твое **окрепнет**, и дыхание улучшится, и силы прибавятся, и мускулы **привыкнут** к усиленной работе.

Бег стал моей каждодневной потребностью. При **любой** погоде утро встречала на **улице**. Вначале пробегала сравнительно короткую дистанцию. Когда окрепла, пошла дальше. Признаться, похудела малость. Но **самочувствие** улучшилось. Как-то легче пошла и **работа**, и учеба.

И

Если заговоришь о **спорте**, непременно **спрашивают**, к чему больше душа лежит. У меня — к гимнастике и велосипеду. Мой выдавший виды двухколесный спутник побывал со мной на самых дальних тропах нашего леса. **Случалось**, и дождь заставал в пути. Ехала по бездорожью, в темень. Едва добиралась до дома. И все же получала большое удовлетворение.

На новом месте я совершила несколько парашютных прыжков. Не все они были удачными. Учеба продолжалась. Моим учителем был заслуженный мастер спорта, опытный парашютист.

Учил он требовательно. Не прощал малейшего прощета. Прыгнешь более или менее удачно, а он требует большего:

— Получше, получше! В воздухе ты должна быть, как рыба в воде. Смелее, по-мужски.

«По-мужски» — для меня вначале звучало парадоксально. А потом поняла: все делать без скидки на **«слабый пол»**. И **делала**. Что ни прыжок, чувствовала себя увереннее. Свободное падение в воздухе стало моей **стихией**. Приземлялась с нужной точностью. А на земле, чтобы ветер не **унес** купол вместе с тобой, стропы **сильно**, чисто «по-мужски» хватаешь на себя, и купол гаснет. Сворачивай его, и все **готово!**

Много я совершила здесь прыжков. Большинство с наивысшей оценкой. Первая заслуга, конечно, принадлежит моему инструктору. Это он, беспокойный и решительный, несколько шумный, но добрый, помог мне поверить в свои силы, провел по крутой тропе от сбивчивых **попыток** новичка до уверенного шага разрядника.

Уйму времени поглощала теория. Читала, писала. **Обзавелась** новыми книгами. Зачитывалась Циолковским и Цандером. И, конечно же, не могла обойтись без художественной литературы. Вот авторы, с чьими героями я вновь встретилась в эти дни, — Пушкин и Некрасов, Достоевский и Шевченко, Толстой и **Лермонтов**, Лесков и Пришвин, Горький и Шолохов, Островский и Федин. Читала Гюго и Мопассана, Драйзера и Жюль Верна, **Стейнбека** и Гейне. Но, **пожалуй**, самым потрясающим, **запавшим** в душу был для меня **«Овод»**. Я с **собой, как талисман**, носила кадр из кинофильма, где роль моего **любимого** героя играл Олег Стриженов. Мне по сердцу **непокор-**

ная натура мятежного правдолюбца, его самоотреченное служение отечеству, добру, справедливости.

По прочитанным книгам мы часто дискутировали с ребятами. Запоем читали Маяковского, **Блока**, **Есенина**, Твардовского, Щипачева, Исаковского.

НАШИ ГОРИЗОНТЫ

О литературе, музыке и живописи мы говорили не только в перерыве между занятиями, а и дома, собираясь вечерами друг у друга. Я часто бывала у Быковских, **Поповичей**, Гагариных, у своих преподавателей и врачей. И всегда у нас возникали оживленные разговоры об искусстве. Мне нравятся суждения о живописи одного из моих коллег. Он сам немного увлекается творчеством, написал ряд картин на темы наших космических будней. Частенько нас всех тащит на разные выставки, в картинные галереи и является для нас внештатным **экскурсоводом**. К **абстракционизму** относится непримиримо. **Говорит**, это не искусство, а пачкотня. Все мы разделяем его мнение.

Что нам нравится в современной живописи? Это картины **Серова**, Лактионова, Решетникова. Может, мало известен военный художник Николай Пильшиков. Но его работы **нас**, связанных с авиацией и космонавтикой, **трогают**. **Он, бывший летчик**, очень тонко чувствует **романтику** нашей профессии. Ею, этой романтикой, согрета серия картин «Цветы и **космос**».

Словом, самая напряженная работа наша освещена большой, интересной идейной жизнью. Много страстных мыслей высказывали на партийных **собраниях**. Предложили раз и мне выступить. Волновалась: первый раз перед такой аудиторией. Ну, а потом собралась с духом и высказала все, что думала в эти дни о нашей **партийной работе**. Мне хотелось ее видеть еще более боевитой, с хорошей, крепкой критикой, целенаправленной, как ракета.

Просто и ярко говорил Гагарин. Он тут на деле доказал, что парторганизация может быть с **«остринкой»**: подверг критике кое-кого из своих **товарищей**, **остроумно** охарактеризовал тех, кто натужно расстается со старым.

Как члена своей семьи космонавты направили меня на комсомольский съезд. Правда, я была там **гостьей**, Но все же то было памятное событие в моей жизни. **Там, на съезде**, я как бы вернулась в свои комсомольские годы.

Вспомнился Ярославль, «Красный Перекоп», Карачиха, друзья-комсомольцы. Собственно, они, эти юные совоарищи, были у меня и здесь, в космическом отряде. Тот же **Быковский**, заместитель секретаря комсомольского бюро, некоторые мои подружки, инженеры, врачи. Я уже с ними* познакомилась. Выступала перед ними. Сама слушала их речи. Кстати, вместе со мной на съезде был и Валерий.

Думаю, не умалю своего партийного звания, если скажу, что на этом бурном молодежном форуме я получила **хорошую** зарядку. Слушая речи боевых, энергичных пареньков и девчат, сама загоралась **новыми** заботами. Прежде всего хотелось сразу с приходом в Звездный городок еще пристальнее присмотреться к воспитанию молодежи, к ее духовным запросам, помочь ей сделаться еще краше, богаче мыслями, мечтой, делами.

Своими соображениями поделилась с членами партбюро. Многие задуманное осуществлено.

Честно сказать, жизнь отряда космонавтов так поглотила меня с первых же дней, что сама не заметила, как отряд стал для меня второй семьей. Я теперь уже не мыслила себя вне ее. Утром спешила на занятия, как некогда, на фабрику. Тут все были свои, близкие, родные, понятные всем своим существом. Они никогда тебя не оставят без внимания. Спросят о **здоровье**, о **доме**, о настроении, поинтересуются твоими тренировками, поздравят с днем рождения, пригласят на семейный вечер.

Тут, на новом месте, мне дали квартиру. Светлую, уютную. Надо же было такому случиться: в это же самое время ко мне нагрянули гости с «Красного Перекопа» — мои подружки с **фабрики**, секретарь райкома партии Алексей Георгиевич Агафонов, Валентина Федоровна Усова. Рада им была до слез: В квартире еще не было стульев. Уселись прямо на пол. Пришли и мои друзья по новой работе. Новоселье выдалось **шумное**, **веселое**, истинно русское. Космонавты и их жены танцевали. А дядя Леша, секретарь райкома, так отплясывал, что гнулись половицы. Пели наши русские песни. **Вспоминали прошлое**. Дядя Леша спрашивал, довольна ли я **нынешней** работой, и тут же уточнял:

— А сколько же у тебя теперь **братьев**, если все сестрой называют?

— Много, дядя Леша. **О, как много!** — отвечала я, **пьяная** от счастья.

По рассказам **родных**, когда мы еще жили в **Масленниково**, там очень мало было садов. До революции село было помещичьей усадьбой, и в семнадцатом году народ разгромил ее вместе с садовым «раем». Остались одни липы, клены, вербы, тополя и березы, березы... **Одна**, высокая, развесистая, стояла неподалеку от нашего дома, над обрывистым рвом. Однажды **разразилась** гроза и расколота дерево надвое. Но отец не дал ему погибнуть. Смазал каким-то раствором, облепил глиной, спеленал тряпками, бечевой. И береза выжила.

Об этой давней истории я вспомнила здесь, в **городке**, где мы учимся и тренируемся. Тут, у самого учебного корпуса, тоже стоит **высокая белостволая** красавица. Зимой и летом она заглядывает в окна, словно хочет поговорить с людьми.

А однажды случилось так, что «Березкой» стала я **сама**.

То было во время проигрыша космического полета.

Заняла я место в кабине космического корабля — **такого**, который я поведу в звездный рейс. Мой инструктор, бывший летчик, человек величайшего спокойствия, простоты и скромности, дал мне последние напутствия, и я осталась наедине со своей **чудо-машиной**.

Первым долгом принялась проверять аппаратуру, различные установки. По тому, какая сейчас стояла напряженная, ожидающая тишина в корабле, я поняла, что волнуюсь не одна, а и те, кто сейчас сидит за **стенкой** у пульта управления. Они не беспокоят меня ни одним посторонним звуком. Все скупое и точно, по программе. Задала я, **видать**, нелегкую задачу своим учителям — они впервые провозжали в «полет» (пусть пока «земной», имитирующий, но все же предвещающий истинный, космический) не испытанного в летных переделках мужчину, а женщину, с присущими ей особенностями.

Хотя врачи и сказали, что самочувствие мое было «в пределах нормы», мне казалось, я перешагнула ту «норму». Вроде и **сердце** билось учащеннее, и дышалось непривычному.

Заниматься самоанализом чувств, однако, некогда. Закончив изначальный комплекс операций, **доложила**:

— Земля! Я «Березка». Проверку закончила. Проверку закончила. К полету **готова!**

Ответил знакомый, спокойный, чуточку глуховатый басок:

— Вас понял, **«Березка»**. До старта осталось...

С каким душевным трепетом я ждала первую в моей жизни команду на особый, неземной **старт!** Знала, что пока все условно, не придется даже с места сдвинуться. А все же сердце сжималось, как некогда перед полетом на парашютные прыжки.

На тренировках.

как сказал поэт. До чего же умноский тренажер! Отсюда я и Землю голубую планету.

В полете даже созерцание должно быть рабочим. Все увиденное, осмысленное записывала в бортовой **журнал**. В назначенные минуты произвела переключение **автоматической** ориентации на **ручную**, попробовала сама

До сих пор я **только** по рассказам моих звездных братьев знала, как начинается полет. Тут же сама испытывала его **почти** в натуральной обстановке.

До слуха донесся тугой, будто спрессованный **гул**. Он был рожден специальным имитатором.

Потом все стихло. Значит, я уже вышла «на орбиту» и нахожусь в состоянии невесомости. Невольно хочется **взглянуть**: а что же **там**, за **бортом**? Припадаю к иллюминатору. Боже **мой**, настоящее звездное небо! **Лечу!** Звездная роса **роится** рядом, хоть **хватая** — — — **дочь**,

сделан наш **космический** **вижу** — свою родную

«вести» корабль. Вновь гляжу в иллюминатор и убеждаюсь: **лечу**, аж **«искры»** за бортом проносятся.

В корабле я и отдыхала, и занималась **физзарядкой**, и принимала **пищу**, даже читала стихи Кольцова.

Точно в расчетное время получила команду на спуск. Все как надо: идет завершающий виток, **«включаются»** тормозные двигатели. В этот момент я ясно представляю себе вход в плотные слои атмосферы. За бортом **сейчас** должно полыхать тысячеградусное **пламя**, но оно бес- сильно перед недоступным корпусом. В наушниках раздается тот же **непоколебимо-спокойный** голос:

— Я Земля. Как **самочувствие**, **«Березка»?**

Отвечаю весело, наверное, слишком громко:

— Я «Березка». **Самочувствие отличное! Отличное!**

«Подлет» к Земле, конечно, был благополучным, по- скольку от нее не отрывалась. А выходила я из корабля, как после настоящего **полета**, — **полная** впечатлений, не- терпеливого восторга. И встречали меня, как после на- стоящего орбитального путешествия. Валерий Быков- ский протянул руку и на полном серьезе поздравил:

— **С** приземлением!

Андрей Николаев и Павел Попович **готовы** были меня подбросить вверх, от чего я вежливо отказалась.

Продолжались и другие тренировки. Трудновато мне досталась центрифуга. Это и понятно: на **истребителе я** не летала, перегрузок особых не **испытывала**. Упущен- ное приходилось наверстывать здесь. Пришлось и с са- молетом дело иметь. К чему об **этом** говорю? Да к **тому**, что иные нетерпеливые звездные романтики уже говори- ли мне: мол, наверное, теперь без авиации можно прямо- ком в космос идти. **Отвечаю: нет**, пока нельзя. Без лет- ных навыков трудно **рассчитывать** на успешное пилоти- рование космическим кораблем.

Так **вот**, лишь после приобретения некоторых летных навыков приступила я к наиболее сложным тренировкам. Центрифуга предъявила суровый счет. А тут еще медики задумали экспериментировать, чтобы выяснить «устойчи- вость к перегрузкам в зависимости от физиологических циклов в организме».

Сказать, что все проходило гладко, не могу. Но и не настолько сложно, чтобы отчаиваться. Просто пришлось набраться наивысшей терпеливости. А у нас, **женщин**, ее бывает **побольше**, чем иные думают.

Словом, все Одолела: я **перегрузки**, и **высокие температуры**, и **низкое барометрическое давление**, и «трясучку» на **вибростенде**, и не так уж приятную тишину **сурдокамеры**. Вместе со мной проходила эти **испытания** и моя неразлучная **спутница** — будущий дублер.

РЕКВИЕМ ОТЦУ

Дома, в **Ярославле**, у нас давно висит картина «**Рожь**». Мама говорит, что ее купил отец в знак своей привязанности к полю. Мне тоже нравится эта картина. Ее небольшая **репродукция** была со **мною даже** в сурдокамере. Казалось, простора больше. Неба, **синевы**, наших истинно русских **далей**.

Мне всегда думалось, да и сейчас такого **мнения**, что наши ярославские места самые красивые в мире. **Правда**, с этим не хотели соглашаться мои **товарищи**. **Гагарин** расхваливал Смоленщину, Попович — Украину, **Титов** — Сибирь. Только с Николаевым мы сходились на одном — на красоте Волги. На что моя подружка-коллега, и та не могла поверить, что **Ярославщина** — **чудеснейший** уголок земли. Пришлось доказывать. Пригласила ее в гости.

Убеждать долго не пришлось. Едва она увидела **наши** приволжские **дубравы**, а между ними будто сошедшие с шишкинского полотна ржаные и пшеничные поля, схватила меня за локоть и онемела от восторга. А обо мне и говорить нечего — сердце зашло от наплыва чувств.

Мама встретила мою подружку, **как** дочь: Правда, она еще не знала, что мы с ней действительно **сестры** — **звездные**. Тут же мама спрашивает, почему мало гостей. Где же, мол, твои братья, о которых писала в письме. Отвечаю ей:

— Увидишь, мама. Только не сразу.

Действительно, вскоре у нас побывали и другие мои товарищи.

А однажды мама **встретилась** с моим **учителем** — **инструктором-парашютистом**. Правда, не при столь **благополучных обстоятельствах**. Мама заболела, лежала в **больнице**. И вдруг к ней в палату входит незнакомый человек с целой радугой орденских планок. Принес цветы, яблоки.

И **родных**, и меня до глубины души тронуло внимание **этого** сурового на вид, но богатого сердечной теплотой человека. Я знала: он был так **занят**, а все же нашел время по пути в командировку хоть на минутку заглянуть к моей больной матери. Разве забудешь **такое!**

Нынешней **весной**, в канун первомайских **праздников**, мне самой дали отпуск. Я уже жила предчувствием недалекого старта. Хотелось **повидаться** с семьей, с родными местами.

Встреча была радостная. Сразу побежала на **фабрику**. Увиделась с девчонками. Смеялись и чуть не плакали на радостях с Тосей Виноградовой. Я шесть лет с ней проработала. Это она вывела меня в **ленточницы**, **помогла** освоиться с новой для меня **специальностью**. Долго беседовала с Валентиной Федоровной. Поинтересовалась комсомольскими делами. Уезжая, я их передала Вале Мельниковой. Та вручила их **третьей** Вале — **моей подруге** по школе Васюкрвой.

Конечно, все с **распросами**. Но что я тогда могла сказать? Работаю в авиации, и все. А могла бы **много**, много поведать. И о Главном конструкторе космических кораблей, с которым уже встречалась и по душам **беседовала**, и о наших учителях и **командирах**, и о **командире Гагарине**, известном нынче всему **миру**, а для меня оставшимся самым простым парнем.

Невольно в эти дни я перебирала в памяти прожитые годы. Их немного. Но они наполнены такими большими событиями. Вспоминаю наставников своих — добрую **Людмилу** Алексеевну Космолеву, старого комбинатовского коммуниста дядю Васю, моих знатных земляков. Среди них немало и ученых, и артистов, и писателей, и генералов, адмиралов, знаменитых летчиков, моряков, конструкторов.

А еще мне вспомнился папа. Таким, каким **видела** его на портрете в маминой комнате. Худощавый, **улыбчивый**, в красноармейской гимнастерке с петлицами. О его **гибели** рассказал служивший вместе с ним масленниковский колхозник дядя Василий. Они попали в окружение. Выйти удалось троим. Остальные **полегли**, пробивая путь **этим** немногим.

Перед моим приездом мама и тетя Вера ездили в **Масленниково**. Папина береза жива. Только постарела, вся в **рубцах**, трещинах. Но чтобы **оставить** об отце еще бо-

лее долгую память", мама **когда-то** посадила у бабушкиного дома, где мы жили, черемуху. Теперь в том **доме клуб*** А вокруг него белым пожаром черёмуха пылает.

Захотелось и мне об отце память **оставить**. Здесь, в Ярославле, я посадила четыре яблони. Нынешней весной они впервые по-настоящему цвели. Появились первые **завязи**. И вот этот пьянящий цвет яблонь и разросшаяся вокруг **нашего** старого дома черемуха мне чудятся **неумирающим гимном человеку, реквиемом моему отцу**.

Уезжая из Ярославля в Звездный городок, **думала: все**, все, подаренное мне отчей землей, надо взять в дорогу.

Незадолго до старта, перед отъездом на космодром, я позвонила маме. То ли она плохо меня слышала, то ли от волнения не могла слова вымолвить, но обменялись мы с ней до предела скупыми фразами.

— Береги **себя**, доченька. Жду.

— До **встречи, мама!**

ПЕРЕД ДАЛЬНОЙ ДОРОГОЙ

Перед отъездом на космодром в отряде **состоя-**лось традиционное партийное собрание. С докладом **вы-**ступил Юрий Гагарин. На правах комотряда и первого космопроходчика он дал глубокую профессиональную оценку нашей подготовке. Не обошлось без критики. При чем с истинно гагаринской остринкой, доброй **шуткой**, хорошей, товарищеской доброжелательностью.

Короткие, но полные большого смысла речи произнесли командиры, авиаторы, инструкторы, инженеры, врачи, космонавты. К каждому их слову мы с Валерием прислушивались внимательно. Но с особенной глубиной воспринималось сказанное нашими предшественниками — Германом Титовым, Андрияном Николаевым, Павлом Поповичем. Они как бы провели нас своими маршрутами. Дали дружеские напутствия. Павел шутливо, но с **по-**нятным подтекстом пожелал:

— Рекомендуем вам побольше привезти советов!

Кстати, задолго до этих торжественных прощальных минут мы столько рабочего времени провели **вместе** с **на-**шей летавшей четверкой! Юрий и Герман больше консультировали по технике. Павел и Андриян упор делали

на точное соблюдение программы. Вместе с нами они проводили своеобразный розыгрыш полета.

В ответном слове я от души поблагодарила своих учителей, **заверила**, что оправдаю их доверие.

Тут же распределили свои, так сказать, партийные силы. Группарторгом на космодром назначили своего коллегу — толкового парня, с хорошими задатками **организатора**. Он умеет подойти к людям, поговорить с ними за просто, по-свойски, готов всегда сказать правду в глаза, какой бы горькой она ни была. И еще его достоинство — умение оформить сатирическую газету «Нептун». Перед нашим стартом он с помощью других космонавтов выпустил яркую, колючую, полную задушевного юмора **«сатиричку»**. Здесь, в Звездном городке, на своем посту остался секретарь парткома. Перед отъездом он с нами поговорил, пообещал держать связь с родителями, посоветовал не беспокоиться — дома все будет хорошо.

В городке оставался и наш **коллега—секретарь** парт-организации отряда, степенный, умудренный житейским опытом. Он у нас пользуется непререкаемым авторитетом и как **бывший** опытный летчик, и как большой души человек.

В назначенное время Валерий, секретарь парткома и я со своей подружкой **дублером-комсомолкой** отправились в Москву, на традиционное прощание с Красной площадью. Долго стояли у Мавзолея.

Потом поехали на ВДНХ. Оттуда — на Ленинские горы, к университету. Любовались красавицей Москвой. Величественная, белокаменная она раскинулась до **самого** горизонта... Поклонились гению нашего мудрого Михаила Ломоносова. Его дорога в науку началась пешеходной тропой на Москву. Потомкам суждено продлить **эту дорогу** в глубины **Галактики**.

На Байконур вылетели рано утром. Под самолетом клубились облака. Подрюмяненные зарей, они походили на горы розовой ваты. Я прильнула к иллюминатору:

— Как чудесно!

Сидевший рядом Юрий многозначительно **пообещал**:

— Обожди, еще не то увидишь.

Небо преображалось на глазах. Облака остались где-то за килем. Далекий горизонт, будто омытый недавними дождями, заголубел нежнейшей эмалью. Потом он начал алеть, будто наливаясь **огнем**, и вдруг в глаза уда-

рили солнечные брызги. Поворачиваюсь к подсевшему Андрияну:

— **Как** в сказке!

Андриян в тон Юрию повторил:

— **Обожди**, не то увидишь.

И пошли консультации. С шутками-прибаутками, а порой и на полном серьезе ребята **давали** мне последний инструктаж. Особенно заботлив был Андриян. Он то и дело предлагал свои **услуги**, советовал отдыхать «при каждой **возможности**» и «**ни** при каких **обстоятельствах** не терять **спокойствия**». Я знала, что **спокойствие** — это его вторые **крылья**, и старалась в **какой-то** мере подражать ему.

С нами был и группарторг. И здесь, в полете, он **остался** верен себе — прихватил с собой несколько репродукций картин **любимых** художников. Раскрыл перед нами книгу набросков, портретов и картин Васильева. Этот художник мне полюбился прежде всего за созданный **им** образ В. И. Ленина. На **его** полотнах Ильич — **простой** и такой **человечный**, что кажется тебе лично знакомым.

ЗДРАВСТВУЙ, БАЙКОНУР!

На **космодроме** нас встретили председатель Государственной **комиссии**, авиаторы, конструкторы во главе с Главным, **журналисты**, инженеры, врачи,

Мои знакомые знают, что я не особенно люблю сентиментальности. Но когда встречаюсь со своими **друзьями**, не могу сдержать волнения. Авиаторы летели со мной. О многом переговорили. Они дали мне **путевку в небо**, как коллеги, профессионалы. Уже **здесь**, в отряде, я впервые познакомилась как следует с самолетом, обрела необходимую мне летную практику. Сколько раз мы поднимались на «**спарке**» с моим добрым и терпеливым **инструктором!** Он был спокоен даже в те минуты, когда другой бы наверняка вспылит. А все потому, что верил в **меня**, знал, что одолею новую для меня летную науку. И я ее одолела. Сейчас передо мной люди в летной **форме**. **Офицеры**, генералы, маршал. Всех я их знаю поименно, **потому** что и они приняли в моей «**космической**» судьбе **самое** непосредственное участие.

Творцы моего корабля — не один, а весь **большой коллектив**, все ведущие «**направленцы**» — тоже **мой**

давние знакомые, близкие друзья. Еще когда я была там, в Звездном городке, они к нам приезжали, консультировали, учили. Бывала и я у них. Все время посвящали меня в свои дела, рассказывали о рождении машины. Наверное, понимали мое беспокойство, успокаивали:

— Все идет хорошо. Корабль почти готов. **Скафандр** тоже. А вот бортовой журнал вместе будем оформлять. Не ослабляйте **физподготовку**. Больше **спокойствия, уверенности**.

Конечно, обещать многое я тогда не могла. Но как хотелось дождаться того времени, **когда**, слетав в **космос**, можно со спокойной совестью посмотреть в глаза этих людей и **сказать**, что оправдала их надежды.

Но такое время пока не наступило. Сейчас приспели иные заботы. Надо было еще раз все осмотреть, проверить. Со своим кораблем я уже встречалась еще **там**, так сказать, на **«верфи»**. Беседовала с рабочими, инженерами. Помню, один седобровый рабочий подошел ко мне и **кивнул** на корабль:

— **Ну, как**, дочка, надеешься на нашу работу?

Не задумываясь, ответила:

— **Верю, как в себя.**

— Спасибо. Понимаешь рабочую совесть. Доверяем тебе надежную **«жар-птицу»**. Тут и наш пот, и наше уважение к тебе.

— **Спасибо!**

Теперь корабль уже стоял на стартовой **позиции**. Еще раз осмотрела все от начала до конца, повторила все свои действия от **«взлета»** до «посадки». С **наслаждением**, с нетерпеливым ожиданием близкого старта.

Когда **уже** все было **готово**, меня пригласил Главный конструктор. Думала, что разговор пойдет о программе. Нет, на этот раз он заговорил о моем доме, о маме, о брате и сестре, о погибшем отце. Вспомнил свою крылатую молодость, свою **семью**, пообещал с ней познакомиться. И вдруг совершенно неожиданно спросил:

— **Ну**, как скоро на другие планеты полетим?

Я растерялась. Подумалось, что не расслышала вопроса. Он понял мое состояние, выручил:

— Понимаю — это я должен ответить на такой вопрос. Что **ж**, отвечу: все, что задумано сделаем.

Тут же перед моими глазами встала **потрясающая картина**, написанная моим собеседником. Межпланетные станции. Корабль выводят в космос секциями и стыкуют там, на высоте... А потом летят дальше... То будут **корабли-гиганты**, космические лаборатории с **многочисленной** семьей мужественных исследователей.

Долго мы беседовали с Главным. До **этого на память** о предстоящем полете он **мне**, как и всем другим, **вручил «лунник»** — копию нашего гербастого вымпела на Луне. Мне нечего было дарить, кроме благодарственных слов и песни, которую сочинили наши ребята.

Вечер мы провели с ребятами у костра. Варили **уху**. За кулинара был Андриян. С присущей ему угловатой добротой он угощал всю шумную компанию. Все по **достоинству** оценили его кулинарное мастерство.

Отдых перед стартом подходил к концу. С **материнской** заботой ухаживала за нами хозяйка гостиницы. Мы с ней не раз, оставаясь наедине, беседовали о жизни, о наших родных краях.

Как **полагается** по традиции, состоялась встреча со стартовой командой. Мне преподнесли цветы. Говорили добрые слова. Я заверила, что сделаю **все**, чтобы **оправдать** труд **этих** скромных, отдающих самих себя большому делу людей.

Государственная комиссия уже сказала свое последнее слово. Мне доверено пилотировать **«Восток-6»**.

Только сейчас почти физически ощутила **близость старта**. С нетерпением ждала команды на посадку в корабль. Юра заметил мое волнение. Но вместо успокаивающих напутствий посочувствовал:

— Я тебя понимаю. Сам был первый...

А ракета уже ждала меня. Полыхая **степным** солнцем, она **тоже**, как мне показалось, нетерпеливо глядела в **зенит**.

ЗВЕЗДНАЯ РАПСОДИЯ

От своих **знакомых** — военных летчиков — я услышала потрясающую меня легенду об одном маршале авиации. В тяжком бою сложил голову его верный друг — простой русский парень, рабочий-коммунист. В память о павшем побратиме маршал взял себе его фамилию. Так **безвестный** сын России обрел вторую жизнь. Он снова ходил в атаки. **Жил**, боролся, растил **детей**, украшал землю.

И тут я **задумалась**, а чье **бы** имя я взяла в дальнюю дорогу?

Закрывает **глаза**, и перед мысленным взором поплыли десятки, сотни **лиц, впечатавшихся** в память. Очень многое хотелось взять с собой. И доброе имя моего первого в отряде **наставника-парашютиста**, и бывшего **летчика**, а ныне инструктора, и инженера. А «великие без фамилий» конструкторы? **Взяла бы** имена и первой учительницы, и комсомольских сотоварищей, и подружек в комбинатах, и звездных братьев, и героев полюбившихся книг. Унесла бы с собой не только имена людей, но и их славные дела.

С такими мыслями я возвращалась с одной из прогулок. Вволю надыхалась степным воздухом. Встретила целую ватагу ребятни. Люблю детей. Врала их на **руки**, словно родных племяшей. Перед **этим** пионеры преподнесли мне два вымпела. Решила взять их в полет.

Вскоре меня пригласили на заседание Государственной комиссии и объявили: принято решение на запуск **ракеты**. Всё пришло в движение, знакомое по отлету **Валерия**.

На следующий день меня тоже облачают в **скафандр**. Он не только надежный, **но и** красивый. **Думаю, самые** искушенные модницы позавидовали бы. На **груди** — **гладью** вышитый белый голубь. Он как бы летит навстречу солнцу, лучи **которого** изображены золотистыми **стрелами**. Этот **костюм** шили специально для **меня**, первой **женщины-космонавта**, ласковые руки моих бывших сотоварищей по профессии. **Спасибо** им за добротную и красивую работу!

В скафандре и моя подружка — дублер. Смотрим друг на дружку, смеемся:

— Вот бы на танцы так...

Потом **задумались**. **Не** знаю, о чем она мечтала, но я в **эти** минуты думала о ней. Хотелось сказать: да, **мне** повезло на дублера. **Спокойная**, терпеливая, смелая, а главное — серьезная, знающая, куда и зачем она идет, подготовившаяся **к, тому**, чтобы в случае необходимости заменить меня. И еще — это просто хороший **человек**. Наши характеры с **ней** во многом схожи, а вкусы, взгляды на жизнь полностью совпадают.

Подъезжаем к стартовой площадке. **Иду** навстречу председателю Государственной комиссии. Докладываю о готовности к полету. Он понимающе кивает, жмет руку.

Прощаемся. И **тревожно**, и радостно, и чуточку **груст-**
новато расставаться вот с этими полюбившимися в **дни**
совместных хлопот **людьми** — **конструкторами, авиатора-**
ми, инженерами, врачами, журналистами, исполнителя-
ми многих стартовых **работ**. Обнимаемся с **Юрием, АН-**
дрияном, Германом, с дублером, со всеми, кто еще не **ле-**
тал, но кого уже ждут свои **маршруты**.

Уже у порога небесного жилища гляжу на людей, ма-
шу отяжеленной космическим одеянием **рукой**.

Люк бесшумно **захлопнулся**, отделив меня от внешне-
го мира. Слышу **неторопливый** голос с пункта **управле-**
ния. Интересуются моим самочувствием. Отвечаю: все
хорошо. Там смеются: мы-то чувствуем себя похуже.
Жарко. Да и к тому же остаемся дома.

В полдень объявили тридцатиминутную готовность.
Скорее **чувством**, чем **разумом**, восприняла долгождан-
ный миг:

— **Старт!**

Ожила, громоподобно заговорила моя чудо-машина, на-
чиненная пламенем и скоростью. По всему корпусу по-
шла толчками крови дрожь, хорошо **знакомая** мне по
вибростенду. **Медленно**, будто поднимаемая **кранами**, ра-
кета **покидает** стальные фермы. Чувствую, Земля уплы-
вает вниз.

— **Пощла!**

А тут уже идут запросы, **успоконительно-предупреди-**
тельные напоминания:

— **Полет** нормальный! Машина идет **хорошо!** Отлично!

Спешу подтвердить:

— Перегрузки растут. Все в порядке! Машина **рабо-**
тает отлично!

Тело наливается тугими сгустками **тяжести**, будто кто-
то сжал могучими тисками и начал вдавливать в кресло.
Потом **нагрузки**, так же как и росли, стали медленно
спадать. Гляжу в иллюминатор и не то себе, не то пунк-
ту управления выкрикиваю:

— Вижу **горизонт!** Голубая, синяя полоса. Это Земля.
Какая ода **прекрасная!**

Мне посчастливилось: в момент выхода **на** орбиту Зем-
ля кое-где очистилась от облаков. Она в нежнейших на-
крапах красок. Мягко изумрудятся квадраты хлебов,
какой-то легкой голубиной охвачены **лесные** массивы.
Упавшими **на землю** молниями синеют реки. Белеют **вер-**

шины гор. А горизонт — неправдоподобная **радуга**, впечатанная в черный небосвод. Краски — синяя, голубая, ярко-оранжевая, светло-желтая, зеленоватая — плавно переходящие, будто впитанные друг в друга.

Красива наша Земля в любое время суток. Ночью я видела огненную **росу**. То светились городские огни. По ним можно было даже различить контуры улиц и больших площадей.

Особенно сказочна голубая планета на рассвете. Не **случайно** утром мы с Валерием пели песни. Она, **колыбель** человечества, как бы рождалась на наших **глазах**, выплывая из темени. **Молодая**, сияющая, умытая **дождями**, **обласканная** ветром. Временами проплывали **облака**. Такие **земные**, близкие.

ПРОХОЖУ НАД ВОЛГОЙ...

День и ночь за иллюминатором проплывали материка с выводками островов. Я вела тщательное наблюдение за **всем**, что окружало меня. **Записывала** в бортовой журнал. **Строго** по программе занималась вестибулярными пробами, самоконтролем за физиологическим состоянием, физзарядкой. Следила за показаниями приборов. Докладывала Земле. Принимала пищу, спала. Правда, однажды «прихватила» лишнего. Уснула так, что **«Заре»** пришлось **будить**. Чего греха **таить**, неловко получилось. Докладываю: мол, так и так, малость не по программе получилось. Извините. Исправлюсь.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев прикалывает Героине Золотую Звезду и орден Ленина.

— **Ничего.**

Связь отличная. Голоса Земли и летевшего со **мной во** круг нее Валерия слышатся **так**, словно они рядом. Как только приступили с **«Востоком-5»** к совместному **поле-**ту, доложили об **этом** ЦК. Получили тронувшую нас до глубины души ответную радиограмму Н. С. Хрущева.

На одном из первых витков услышала голос Никиты Сергеевича:

— Я вас очень хорошо слышу. Вас называют «Чайка». Вы мне разрешите Вас называть просто **Валя**, Валентина. Я очень рад и **по-отцовски** горжусь, что наша девушка, девушка из Советской **страны**, первая и впервые в **ми-**ре находится в космосе, владеет самой совершенной техникой.

С трудом подбираю слова для ответа:

— Дорогой Никита **Сергеевич!** Взволнована и глубоко тронута Вашим вниманием. **Большое**, большое спасибо **за** теплые **слова**, за отеческую заботу.

Тронуло меня приветствие ЦК комсомола. Не забыли, что я не только партиец, но и почетная комсомолка. **Мне**, как работнику комсомола, навсегда оставили **комсомоль-**ский билет.

В первый же день полета пришла весточка от **друзей-**космонавтов. Чем-то своим, близким повеяло от слов Поповича: **«Дорогая** Валюша! Сердечно поздравляю тебя с успешным полетом. Теперь у **нас** **есть** космическая сестра. Желаю тебе успешной посадки. Все твои **друзья** горячо обнимают тебя, Мы гордимся тобой. До встречи на Земле».

И вот незабываемые минуты. Я пролетаю над **Волгой**, над родной Ярославщиной. Конечно, все разглядеть с **та-**кой выси невысказано. Но, едва увидев в проемах облаков голубой серпантин реки, мысленно дорисовала и глядящие в воду дома **Ярославля**, и наше Масленниково, и утопающий в маминой черемухе **дом**, и спасенную отцом березу у обрыва. Прошу Землю передать маме, чтобы она не тревожилась.

Позже, после **полета**, меня не раз спрашивали: что самое приятное в космосе? Управление кораблём, отвечала я. Не верилось даже, что такое чудо века подчинено **те-**бе, твоим женским рукам. Это же **счастье!**

И опять мысли обращаются к Земле, к людям, **сотво-**рившим мой **звездолет**. Пункт управления интересуется

самочувствием. Отличное! На борту **полный порядок**. Мне желают счастливого **финиша**. Напоминают, **од за**тра кончается моя космическая командировка.

И вот голос нашего дорогого руководителя **полетов** подана команда на спуск. Я **только** закончила работать ключом: Передала последние данные **наблюдений**. Летать мы могли и дольше. У нас достаточно запасов и **воды**, и продуктов, а главное — сил, энергии. Но программа есть программа. Она полностью исчерпана.

Трогательно **звучит** напутствие Валеры:

— Счастливой посадки, **Валюша!** До встречи на **Земле**.

Я шла на посадку первой. Он как бы меня **«прикрывал»**. Уже после узнала, как он обо мне **беспокоился**, когда я пошла на снижение. Все спрашивал, как там дела у «Чайки».

Тормозные установки моего корабля уже гасили скорость. **«Восток-6»** возвращался из шестого океана в пятый, воздушный. Пятый встретил ураганным пламенем. Но мне уютно. Ни жарко, ни холодно. Температура по заказу. В космосе нам довелось самим ее корректировать. Сейчас комфортабельные **«градусы»** тоже в моей власти.

Вот только нагрузки давят все ошутимее. Лицо **как-то** стягивается. Веки тяжелеют. Надо сжать и тело, и нервы в противодействующий напору стихии комок.

...Угасло пламя. Земля близко. Мы с моим кораблем идем домой. Еще немного, и я прикасаюсь к Земле. Приземляюсь на широкую, вытканную разнотравьем поляну. В сторонке, на юру маячит купа **сестер-березок**. Кажется, они пришли сюда **из-под** Ярославля да так и остановились, чтобы встретить меня с дальней дороги.

Люди бегут ко мне. Обступают. Целуют. Кругом — необъятная ширь. Над головой высокое небо. А мне все мало. Хочется всех и все обнять. К сердцу прижать. **Наверное**, впервые в жизни испытала такую жажду к людям, к своей матери-Земле.

Этими чувствами **живу** все **эти** дни. И **тогда**, когда меня в поле обняла незнакомая старушка, назвав **дочерью**, и когда хлебосольные степняки угощали **картошкой**, луком и ржаным хлебом, и когда встретила с **работниками** конструкторского **бюро**, вручившими мне **удостовере-**

ние ударника коммунистического труда, и когда вместе с Н. С. Хрущевым поднялась на трибуну Мавзолея.

Это была моя новая встреча с **Красной** площадью. Слушаю **речь** Никиты Сергеевича и моего друга Валерия **Быковского**, смотрю на живой бурлящий поток демонстрантов, на факельные полотнища флагов и думаю: чем же мне вас **отблагодарить**, мои **родные** люди? Только **одним** — служением Родине по **Ильичу!**

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Счастье. В чем оно?	3
2. О Волга , колыбель моя!	4
3. Карачиха	7
4. Вторая встреча с Москвой	9
5. Наши горизонты	13
6. Шумит березка под окном	15
7. Реквием отцу	18
8. Перед дальней дорогой	20
9. Здравствуй, Байконур!	22
10. Звездная рапсодия	24
11. Прохожу над Волгой	27

Редактор Н. Т. **Котыш**.

Художник Н. Н. **Захаржевский**.

Г-98190 Сдано в набор 8.7-63 г. Подписано в печать 3.8.63 г.
Формат бумаги **60×84^{1/16}**. 2 п. л.
Цена 5 коп. Тираж 55000 Зак. **4541**

Тип. «Красная **звезда**», Хорошевское **шоссе**, 38—40.

Здравствуй, родная Земля!

Цена 5 коп.

ИНДЕКС
70085